

Зарин Андрей Ефимович

Лето
Петербурговесть

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Лето: Петербповесть / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
295 с.

ISBN 978-5-519-85674-4

ISBN 978-5-519-85674-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чашу жизни жадными устами, никогда не вспоминая вчерашняго и не думая о завтрашнемъ...

II.

ПРИДЯ въ свою холостую квартиру, состоящую изъ трехъ комнатъ, онъ быстро перешелъ и ушелъ обѣдать, но не успѣлъ еще выпить своей обычной рюмки водки, какъ въ передней раздался звонокъ.

Послышался слащавый голосъ Агафьи, кто-то прокашлялся, плюнулъ; потомъ хлопнула дверь, по гостиной зашаркали чьи-то шаги, и въ дверяхъ столовой появился Неспѣловъ, пріятель Плясова.

Это былъ невысокаго роста молодой человѣкъ, лѣтъ 32-хъ. Измятое лицо его носило слѣды распутной жизни, голубые глаза смотрѣли тускло и вяло, длинные рыжіе усы бессильно свѣшивались по угламъ блѣдныхъ губъ. Тонкія, словно пѣтушиныя, ноги его подгибались въ колѣнахъ, шаркая по полу, и, не дойдя до Плясова, Неспѣловъ усталое опустился въ кресло.

— Акимъ Семеновичъ!—радушно воскликнулъ Плясовъ, ставя на столъ невыпитую рюмку водки.— Обѣдать будешь?

Вопреки своей разслабленной внѣшности, Неспѣловъ быстро пересѣлъ къ обѣденному столу и весело отвѣтилъ:

— Непремѣнно! Ты, вѣрно, уже догадался? Я—свободенъ!!

Плясовъ засмѣялся.

— Надолго?

— На двѣ недѣли; это уже навѣрное. А тамъ, что Богъ дастъ. Можетъ, придется по душѣ, и она останется еще на недѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ!

— Давай Богъ. Куда отправилъ?

— Въ Старую Русу. Отправили лѣчиться. Теперь я—вольный казакъ!

Онъ придвинулъ къ себѣ тарелку супу и началъ жадно ѣсть. Плясовъ выпилъ водку и тоже взялся за ложку.

— Прямо съ вокзала и къ тебѣ!

— Отлично!

Между ними на время воцарилось молчаніе.

Когда Агафья убрала супъ и подала жаркое, Неспѣловъ откинулся

на спинку стула и съ жаромъ заговорилъ:

— Ты даже понять не можешь всей моей радости! Чтобы понять чувство свободы, надо лишиться ея на время... Двѣ недѣли всего — и я радъ, какъ школьникъ. Думалъ ли я объ этомъ, когда женился?

Онъ помолчалъ и сентенціозно прибавилъ:

— Не женись, Гриша! Ни за красоту, ни за любовь, ни за деньги!

— Я и не думаю, братъ, — отвѣтилъ смѣясь Плясовъ: — достаточно видѣть тебя и Верблюдова, чтобы попытать всю прелесть семейной жизни... Хотя, говорятъ, есть и счастливые браки...

— Не вѣрю! — съ жаромъ воскликнулъ Неспѣловъ. — Ложь! Первое время — понятно. А тамъ, — и онъ махнулъ своею блѣдною, тощею рукой, на которой вздулись толстыя спнія жилы. — Не могутъ быть счастливы люди, обязанные все дѣлать *такъ*, а не иначе. Человѣкъ не выносить обязательствъ. Да! Всѣ наружно, даже другъ при другѣ, счастливы и довольны, а въ душѣ у всѣхъ адъ. Могу увѣрить тебя. Я не могу выйти изъ дому безъ того,

чтобы меня не спросили: куда? скоро вернешься? Я боюсь опоздать противъ сказаннаго мной часа, зная, что меня встрѣтятъ упрекомъ или я увижу недовольное лицо. Чортъ возьми! я иду гулять и мнѣ говорить: „возьми меня съ собой“, когда я не хочу вовсе. Это не пытка?.. Но это все еще пустяки. Пустяки вопросы: гдѣ былъ, что дѣлалъ, зачѣмъ былъ тамъ, а не тамъ; пустяки насильственные прогулки, знакомства, всѣ эти глупости. Но, когда въ домѣ безденежье, да жена начнетъ жаловаться на свою долю, да плакать, да попрекать тебя... Или въ голову ея войдутъ ревнивыя подозрѣнія, а тамъ упреки, слезы! Эхъ, чортъ возьми! Сибирь, мой милый, каторга! Да будь я холостой!...—Нѣспѣловъ замолчалъ и съ остервенѣніемъ сталъ ѣсть жаркое.

— И все ты врешь,—сказалъ Плясовъ:—ты распущенъ, и для тебя всѣ эти стѣсненія--каторга. У тебя подлѣйшія привычки, и ты не можешь быть семьяниномъ такъ же, какъ бродячая собака комнатною...

— Можетъ и такъ!--отвѣтилъ Нѣспѣловъ и, покончивъ съ жаркимъ, снова откинулся на стулѣ и сказалъ:

— Какъ бы тамъ ни было, но на двѣ недѣли я свободенъ. Фактъ.

— Поэтому выпьемъ! — сказалъ Плясовъ, беря бутылку съ виномъ и наливая стаканы.

— Въ видѣ исключенія могу для сегодня.

Они выпили. Неспѣловъ разве-
селился.

— А вѣдь я къ тебѣ съ просьбой! Не бойся, — сказалъ онъ, увидя вдругъ смутившееся лицо Плясова: — за-
нимать не буду. Поѣдемъ въ „Зооло-
гію“ сегодня. Тамъ открытіе.

Плясовъ оживился и палилъ еще
вина.

— Отлично! Я и самъ собирался.

— Эхъ! тряхнемъ стариной!

Неспѣловъ всталъ, потянулся и, перейдя къ низкому дивану, легъ на него, вытянувъ во всю длину свои жидкія ноги. Плясовъ, при-
выкшій спать послѣ обѣда, клевалъ носомъ и, чтобы подбодрить себя, спросилъ квасу.

— А весело ты жилъ прежде? — не то спросилъ, не то напомнилъ Плясовъ.

Онъ сдружился съ Неспѣло-
вымъ въ послѣдній годъ его хо-
лостой жизни. Ноги Неспѣлова

тогда еще не дрожали; усы прямыми стрѣлками торчали направо и налѣво, Плясовъ не безъ зависти видѣлъ успѣхъ Неспѣлова среди разныхъ модистокъ и нерѣдко плѣнялся его ухарскими манерами.

— Фью!—свистнулъ въ отвѣтъ Неспѣловъ:—еще какъ весело-то! Да вѣдь ты помнишь? Что ты! Швейцаръ того дома, гдѣ я жилъ, помнитъ. До сихъ поръ кланяется. Городовой съ той улицы козыряетъ... Да, жилъ! Получалъ сто, проживалъ двѣсти. Знай нашихъ! А насчетъ бабья!..

Неспѣловъ оживился, взмахнулъ ногами и сѣлъ на диванѣ.

— Да вотъ, хочешь расскажу тебѣ свое послѣднее дѣло? Удивительно смѣлый фортель!

— Врешь ты много, хвастаешь!—сказалъ Плясовъ.

— Ну вотъ!—обидѣлся Неспѣловъ:—не хочешь, какъ знаешь!—и онъ снова улегся.

— Нѣтъ, отчего же, расскажи. Я люблю, въ особенности, такое!—Плясовъ подмигнулъ и щелкнулъ пальцами.

— Ну, такъ слушай! Это было

ровно за три мѣсяца до моего ложнаго шага, т. е. до женитьбы...

— Да ты прямо, безъ предисловіи!

— А ты не перебивай. Стиль портишь... Ну-съ...

III.

ВСТАЛЪ это я разъ отъ послѣ-обѣденнаго сна въ самомъ скверномъ настроеніи духа. Въ компаніи пасмурно и непріятно; задыхаешься; а изъ окна видно ясное, безоблачное небо, со двора какъ-то особенно задорно доносятся смѣхъ и говоръ. Ну, я рѣшилъ гдѣ-нибудь скоротать вечеръ, одѣлся и маршъ! Сейчасъ лихача. Въ Акваріумъ! Приѣхалъ. Скучища—страхъ! Представленія эти дурацкія уже начались. Стоитъ какая-то пѣвица и жаритъ изъ „Рогнѣды“. Я остановился въ отдаленіи и сталъ оглядывать публику, выискивая какую-нибудь смазливенькую рожицу. И вдругъ, знаешь-ли, глаза мои остановились на одной фигурѣ, да такъ и приковались къ ней.

— Очевидно, красавица,—съ усмѣшкой сказалъ Плясовъ

— А ты не перебивай. Вѣрно, братъ, красавица! Умру, такой не увижу! Высокая ростомъ, голова закинута назадъ, словно у королевы; прямой носъ, острый подбородокъ, крѣпко сжатые губы, брови словно нарисованы. Красота! И ко всему на ней былъ плащъ изъ виксатина. Розоватый, какъ цвѣтъ обнаженнаго тѣла, онъ былъ застегнутъ у нея только у ворота и висѣлъ за спиной, спускаясь до земли, словно мантия, открывая ея высокую грудь и круглыя плечи, стянутыя джерси...

— Да будетъ! Ты къ дѣлу скорѣе!

— Я не могу такъ, я люблю по порядку. Ну, и почувствовалъ я къ ней влеченіе. Просто неудержимое. Подошелъ къ ней, а тутъ занавѣсъ опустился, какъ на зло, и она пошла. Гляжу, съ кавалеромъ! Маленькаго роста, толстый, въ форменной фуражкѣ, онъ шелъ подлѣ нея медленно, въ перевалку, заложивъ за спину короткія руки. Я перегпалъ ихъ, повернулся и встрѣтился съ ними. Теперь рядомъ съ ея прекраснымъ лицомъ я увидѣлъ мясистый, толстый носъ, безсильно свѣсившуюся нижнюю губу, дряблыя щеки и тусклые глаза подъ мяси-

стыми вѣками. Я даже сплюнулъ. Я обошелъ площадку и встрѣтился съ ними снова. На этотъ разъ она замѣтила меня и даже взглянула. Я опять встрѣтился, и она, понявъ мой взглядъ, улыбнулась. Я повернулся и пошелъ сзади. Я хотѣлъ уловить звукъ ея голоса, но вмѣсто того слышалъ какое-то бормотаніе ея спутника и глухой кашель, словно скрипъ ржавой петли.

— Милая, здѣсь сыро... не сѣсть ли за столикъ... а?.. И видѣть лучше...—скрипѣлъ этотъ бегемотъ.

— Садись, если хочешь!—раздался ея голосъ. Мнѣ онъ прозвучалъ, какъ музыка.

— Милая... я для тебя, вѣдь, а то... можетъ, чайку бы выпили... сыро.

— Пей, если хочешь!

„И захлебнись“, подумалъ я. Въ это время по саду зазвенѣлъ колокольчикъ, возвѣщающій начало представленія. Незнакомка быстро повернулась и пошла къ эстрадѣ. Ея плащъ прошуршалъ у моей щеки. Жирный толстякъ едва поспѣвалъ за нею. У меня вдругъ явилась безумная мысль. Мнѣ и раньше удавались такія продѣлки.

— Ну, хвастай, хвастай больше!—
остановилъ его Плясовъ, заинтересо-
вавшіеся разговоромъ.

Неспѣловъ улыбулся и продол-
жалъ:

— На сценѣ ломались два дурака.
Одинъ изображалъ бездушную куклу,
другой для пущей наглядности тре-
палъ его, швырялъ на полъ, билъ
по лицу и вертѣлъ его какъ бы
безжизненными руками. Всѣ смот-
рѣли на нихъ жадными взорами.
Многіе недоумѣвали, человѣкъ ли
это, дошедшій до послѣдняго опод-
лѣнія, или дѣйствительно кукла, и
всѣмъ хотѣлось, чтобы это былъ че-
ловѣкъ. Я рѣшился на свой безум-
ный планъ. Пользуясь общимъ вни-
маніемъ, я подошелъ къ незнаком-
кѣ вплотную, сталъ за ея спиной и
выставилъ изъ-за ея плеча свое
лицо.

Ея спутникъ не могъ меня ви-
дѣть; она сама стояла недвижно,
приставивъ къ глазамъ бинокль,—
и я, смотря напряженно на сцену,
ясно и отчетливо сталъ шептать:

— Я въ васъ влюбленъ... Бога
ради, бросьте своего осла... на одинъ
мигъ... это такъ легко!..

Я прошепталъ и похолодѣлъ. Она